

Вера и творчество нераздельны и неслияны

Летом этого года председатель Издательского совета Русской Православной Церкви митрополит Калужский и Боровский Климент вручил орден равноапостольной княгини Ольги II степени известному поэту и прозаику, профессору Литературного института **Олесе Николаевой** за вклад в духовно-нравственное просвещение и в связи с юбилеем.

Олеся Александровна написала в соавторстве со своим супругом — протоиереем Владимиром Вигилянским новый роман «Дело Гапона», журнальный вариант его первой части опубликован в январском номере «Дружбы народов» за 2025 год. Это довольно объемное произведение (800 страниц), основанное на исторических событиях, которое начинается с того, что находят тело убитого человека. Им оказывается священник Георгий Гапон.

— *Почему вы взялись за эту тему?*

— Идея написать о Георгии Гапоне принадлежала моему мужу, протоиерею Владимиру Вигилянскому, писателю и литературному критику. Поначалу он предлагал нам вместе

написать сценарий, а идея романа появилась после того, как он был написан. Почему роман, а не сценарий? Потому что мы совсем не ориентируемся в мире кинематографа: куда и кому предлагать? И потом, известны случаи, когда сценарии, как бы это выразиться покорректнее, уводили из-под носа у авторов, тем паче неискушенных в этом виде киноискусства, и в чуть измененном виде сценарии вдруг появлялись под другими фамилиями. Во избежание подобных неприятностей мы и решили, что сначала опубликуем роман.

Честно говоря, на эту работу муж побуждал меня несколько лет: я категорически не хотела влезать в такой многофигурный мир и многостраничный текст. У меня уже был опыт написания большого романа «Меценат» (900 страниц), в котором я увязла лет на семь, так трудно мне давалась композиция этого объемного и трудоемкого сочинения. И когда я его закончила, то вздохнула с облегчением и пообещала себе никогда более не писать таких длинных вещей.

Однако муж все-таки уговорил меня, предложив прочитать множество исторических книг, статей и мемуаров, и в результате я сдалась. Готовились мы долго, но «поехали» быстро, даже помчались: и сценарий (12 серий), и роман были завершены за девять месяцев. Мы и сами удивились. С этим историческим материалом даже было жалко расставаться, и мы впослед написали еще и небольшую документальную книжку — эссе «Анатомия русской смуты». Книга эта выйдет вместе с романом.

— Чем вас с отцом Владимиром заинтересовала личность Гапона?

— Георгий Гапон был нам интересен прежде всего как историческая личность, которую надо рассматривать в контексте умонастроений и событий той эпохи. Нас по-писательски увлекло исследование его характера и трансформации его личности. Он начинал как добросовестный священник, харизматичный проповедник, бесцербеник, радетель об улучшении жизни рабочих, чем сыскал их любовь и преданность. Однако популярность в народе привлекла к нему внимание своеорыстных людей — эсеров, от лица которых выступал Петр Моисеевич Рутенберг; он вошел в доверие и использовал Гапона в темную, приписав к его прошению царю, где были лишь экономические притязания, несколько пунктов, содержавших требования, заведомо невыполнимые, политические (прекращение Русско-японской войны, принятие Конституции и т. д.), чем и спровоцировал столкновение правительенного войска и демонстрантов 9 января. Георгий Гапон в некотором роде оказался жертвой этой провокации, после которой вынужден был скрываться и бежать на Запад, где его подхватили на свои знамена революционеры самых разных партий, ведь ни одна из них не могла бы в те годы собрать для шествия такое количество простого люда. Далее пошла игра на тщеславии Гапона и его желании властвовать, стать вождем. Лесть, деньги, любовные похождения, образ жизни, не подобающий священнику, даже бывшему (в январе 1905 года он был запрещен Святейшим Синодом в священнослужении). И в конце концов он скатился до предательства, когда пытался привести к вице-начальнику Департамента полиции Рачковскому эсера Рутенberга, уговаривая его сдать полиции боевую организацию эсеров, за что и был зверски убит.

Интересовала нас, конечно, и та эпоха, искусительная, омрачающая сердца и умы и подготавливающая почву для крушения великой православной Российской империи.

— Как вы работали над книгой? Какие архивы были в вашем распоряжении, какие документы помогли вам в работе?

— Если я начну перечислять те книги и исторические материалы, которые мы изучили, то места для интервью просто не останется. Мы

Олеся Николаева — поэт, прозаик, эссеист, профессор Литературного института им. Горького. Родилась в Москве в 1955 г. в семье писателя-фронтовика Александра Николаева. В 1979 г. окончила Литературный институт. Автор более шестидесяти книг поэзии и прозы. Лауреат многих литературных премий, среди которых Национальная премия «Поэт» (2006), Патриаршая литературная премия (2012), Национальная литературная премия «Слово» (2024) и др. Награждена орденом святой равноапостольной княгини Ольги I степени за актуальную просветительскую деятельность (2010) и орденом святой равноапостольной княгини Ольги II степени во внимание к вкладу в духовно-нравственное просвещение и в связи с юбилеем (2025).

пользовались также статьями в английской и французской прессе, освещавшими события 9 января 1905 года. А кроме того, нас консультировали четыре профессиональных историка, которые специализировались именно на этом времени. Действие романа начинается с находки тела Гапона и открытия следственного дела, то есть 30 апреля 1906 года, а заканчивается закрытием этого дела и концертом в Дворянском собрании Петербурга 20 декабря 1907 года. Но, конечно, есть и ретроспективные главы, без которых исторический контекст был бы непонятен.

— Отец Владимир в интервью говорит, что никакой первой русской революции 1905–1907 годов не было, что по сути это была гражданская война, во многом спровоцированная и финансированная из-за границы. Кровавое воскресенье — это настоящий заговор,

С митрополитом
Калужским
и Боровским
Климентом
и супругом
протоиереем
Владимиром
Вигилянским
(слева)

Олеся Николаева со своими студентами из Литературного института (слева)

Фото из семейного архива Вигилянских (справа)

заранее спланированная схема, обдуманная за пределами России. Российская империя столкнулась тогда с небывалой до того времени консолидированной и тщательно подготовленной в Европе и США информационной войной. Все это очень похоже на сегодняшнюю ситуацию.

— К сожалению, есть определенное сходство. Во-первых, во время шествия к Зимнему дворцу 9 января 1905 года шла война с Японией. Деньги на террористические акты (оружие, взрывчатку, содержание революционеров как в России, так и в Европе), на забастовки и «народные волнения», на типографии, на организацию побегов осужденных террористов с каторги и поселений (фальшивые паспорта, переезд) давала как японская, так и английская разведка. Туда втекали финанссы и из США, и из Италии, и из Германии, словом, Россия была обречена на внутренние бури, которые порой инициировались и финансировались извне. Да еще то ли по глупости, то ли по веянию моды русские купцы щедро распахивали для террористов свои кошельки. Это и Савва Морозов, которого убили в 1905 году, когда он впервые отказался субсидировать большевиков, и его родственник, владелец московской мебельной фабрики двадцатигодичный Николай Шмит, хранивший оружие для московского декабрьского восстания и участвовавший в нем, за что

и угодил в тюрьму, а потом, когда отказался написать завещание в пользу большевиков, «зарезался» в камере.

— Будет ли экранизация этой книги?

— Очень на это надеюсь, потому что, пока мы писали роман, словно видели происходившее, слышали диалоги наших персонажей. Он легко визуализируется, да это и немудрено, ведь все начиналось со сценария.

— Митрополит Симферопольский и Крымский Тихон назвал вас когда-то «первопроходцем русской православной прозы». В 1990 году вышел ваш первый прозаический сборник «Ключи от мира», в котором уже присутствует тема веры. Как вы приступили к этой теме?

— Первый роман «Инвалид детства» я написала, простите, как бы «по велению свыше». Просто почувствовала, что ДОЛЖНА его написать. И это долженствование меня саму очень поразило, тем более что прозу я до этого никогда не писала. А тут — роман. Но я поняла, что если не напишу его, то вообще ничего больше никогда не смогу написать. Поэтому засела за работу, писала день и ночь, и через сорок суток роман был уже не только готов, но и распечатан на машинке в четырех экземплярах, один из которых я отнесла в журнал «Юность», тираж которого был в то время три миллиона экземпляров, и роман был опубликован. А потом

выходил отдельной книгой в нескольких изда-
тельствах, в том числе в парижском Gallimard.

— *Что такое православная проза? Что ее
определяет?*

— Первое — это отношение к человеку. Че-
ловек — не функция сюжета, а космос. Отсюда
глубокий психологизм русской прозы, создание
персонажей, новых характеров, многие из ко-
торых становятся именами нарицательными,
и мы к ним относимся как к живым людям,
а иные дают название целому явлению (смер-
дяковщина, карамазовщина, передоновщина).

Второе — отношение к слову. За словом сто-
ит реальность, и само художественное слово ее
преображает и осмысляет.

Третье — отношение ко греху. Грех в класси-
ческой русской литературе не эстетизируется,
а нераскаянный грешник несет в себе прови-
денциальное наказание (*Мне отмищенье, Аз воз-
дам. — 1 Рим. 12, 19*). Он либо погибает, либо
кончает с собой, либо сходит с ума.

И четвертое — отношение к Промыслу Бо-
жиему, который не только ведет человека, по-
рой вмешиваясь в его жизнь, но влияет и на
литературный сюжет. Иногда это происходит
самым удивительным образом для автора ху-
дожественного произведения. Вспомним, как
Пушкин писал Вяземскому о том, какой не-

ожиданный для него самого поворот совершила
Татьяна: «Подумай, что “удрала” моя Татьяна:
она вышла замуж!»

— *Православие и творчество — как они вза-
имодействуют?*

— Если Православие не есть нечто внешнее
по отношению к жизни писателя, а есть сама
живая лимфа этой жизни, то и написанное
будет православным по духу, даже если в том
или ином произведении не упоминаются храм,
молитва, священник. Например, «Капитанская
дочка», где нет никаких «атрибутов» церковно-
сти, тем не менее именно православный роман,
образцовый!

— *Иногда, когда говорят «православный пи-
сатель», кажется, что таким образом хотят
поднять не очень сильного автора.*

— А я скажу так: все талантливые и значи-
тельные русские писатели — православные. Та-
лант — это дар Божий. И тут действуют слова
Христа: *Кому много дается, с того много и спро-
сится, а кому мало дается, у того отнимается
и то, что имеет* (ср. Мф. 13, 12). Изначально
талантливый писатель, если он безбожник или
богохульник, попирает и расточает свой дар
и сам превращается в бездарность. Оскдение
таланта — какой жизненной драмой это порой
обращается!

Олеся Николаева
на вручении
ордена святой
равноапостольной
княгини Ольги
II степени
в Издательском
совете Русской
Православной
Церкви. 24 июня
2025 г.

— *Вообще, вера для поэта — ограничитель или вдохновитель?*

— Безусловно, вдохновитель. Вера есть обличие вещей невидимых и осуществление ожидаемого, по слову апостола Павла (см. Евр. 11, 1). Но это есть и определение творчества. В этом вера и творчество нераздельны и неслияны.

— *Далеко не все сейчас готовы вслух говорить о своей вере: эта тема считается слишком интимной. Современный человек говорит о Христе, не называя Его имени. Это относится и к литераторам. У каждого человека, конечно же, своя мера открытости. Но разве вера может быть интимной темой? Апостолы не считали этот вопрос таковым. Если тебя, христианина, спрашивают о вере, это ли не возможность свидетельства? Тем более если ты человек публичный, да еще и поэт, к тебе особо прислушиваются. Или за такими отговорками стоит боязнь открыть свой не такой уж богатый внутренний мир?*

— Я не думаю, что кто-то из верующих людей боится говорить о Христе. Скорее, может быть, опасается сказать как-то не так, недостойно, профанировать Благую Весть... Или, возможно, человек делает это своей сокровенной темой, той драгоценной жемчужиной, которую не каждому покажешь. Но я считаю, что, если спрашивают тебя о твоей вере, то нельзя молчать. Как сказал апостол Павел, надо дать отчет о своем упоминании (1 Пет. 3, 15).

— *В одной из рецензий говорится, что представления об эстетической убедительности Православия и церковной жизни определили ваш стиль. Как бы вы сформулировали эстетическую убедительность нашей веры?*

— Я крещена в честь святой равноапостольной княгини Ольги. И, как известно из ее жизни, она пришла к вере через красоту. Вот и я тоже. Для меня нет ничего на свете прекраснее Христа и его Церкви. Ведь Красота — это одно из имен Божиих.

— *В интервью с поэтом Юрием Кублановским на мой вопрос о том, что русская культура в Европе сегодня оказалась под санкциями, он ответил: сначала уходит вера в Бога, за ней — культура, а следом — политическое здравомыслие. Вы согласны с такой последовательностью?*

— Полностью согласна с Юрием Михайловичем. Мы с ним давние друзья и единомышленники.

— *Сегодня речь идет о появлении новой паракультуры, которая чужда как Церкви, так и традиционной культуре, и она захватывает все новые и новые слои нашего общества. Как этому противостоять?*

— Противостоять этому можно только собственной жизнью и творчеством.

— *Много лет вы преподаете в Литературном институте. Кто они, сегодняшние студенты?*

— Прошлым летом я набрала новый семинар. Это в основном юные люди, семнадцати лет, но, видимо, сознание, что идет война, сделала их более взрослыми и внимательными. Пока что меня в них радует душевная чистота, отзывчивость, деятельное желание стать настоящими писателями.

— *А как в их первых литературных опытах отражается вопрос веры?*

— У меня в семинаре есть студент, который прислуживает в храме и которого уже благословили на подрясник. Ходит ко мне и студент отделения критики, сын священника. Конечно, вопросы веры так или иначе появляются как в стихах, так и на их обсуждениях.

— *Есть ли у вас опасения по поводу наступления искусственного интеллекта в том числе и на литературную сферу?*

— Конечно, огромные опасения! Я вообще считаю, что апокалиптическое число 666 — это именно знак цивилизации цифровых технологий, которая уже наступила.

— *Не могу не спросить про ваши творческие планы.*

— После романа я написала цикл стихов, который и собираюсь продолжать, превратив его в новую книгу. Кроме того, подступаю с трепетом к новому роману (надеюсь, не такому большому) о первых послереволюционных годах. У меня уже есть название, но я пока его утаю. Иногда бывает так: задумываешь одно, а из-под пера выходит нечто иное. Есть в творчестве какая-то сила, которая порой вмешивается и настойчиво ведет туда, куда не знаешь. Однако, поверьте, это самое интересное и есть!

Беседовала Елена АЛЕКСЕЕВА